

Заграница нам поможет

Этот незабываемый лозунг, провозглашенный Остапом Бендером в далекие тридцатые годы, всегда был актуальным для удивительного и неповторимого города Одессы. Причина такого постоянства заграницы по отношению к любимому городу вполне понятна — наличие в нем большого черноморского порта. Даже в те далекие времена, когда заграничные товары были в нашей стране сверхдефицитами, в Одессу моряки кое-что привозили. И одной из главных достопримечательностей наряду с потрясающим оперным театром, Приморским бульваром, Потемкинской лестницей и Дюком де Ришелье всегда был одесский толчок. Этот весьма живой общественно-ритуальный организм был зачат самим бытием на обычной базарной почве, рос и успешно развивался как в мирные периоды, так и в военные годы. Теоретически, на одесском толчке можно было купить все, что угодно твоей душе. На самом деле все зависело от затрат времени, денег, физической подготовки и личной удачи. Но посещать вожделенный толчок мне доводилось только перед самыми торжественными событиями, и купленные там вещи безмерно ласкали глаз и душу.

После выпускного вечера 11-го класса мы, как водится, ходили к морю встречать рассвет. Утром, перед тем как лечь спать, я поставила возле кровати стул, на который положила свою золотую медаль и купленные на толчке выпускные французские перламутровые тубельки (тогда 35-го размера), от которых просто не могла оторваться. Еще неизвестно, что радовало меня тогда больше!

Позднее, будучи уже мамой подрастающей дочери, я не раз сопровождала ее по бесконечным толчковым рядам в поисках той единственной желанной вещи, о которой она мечтала в данный период. Необходимо было проявлять двойную бдительность, чтобы не быть обворованными и обманутыми при покупке. Ведь там запросто можно было получить вместо импортных вещей изделия, сшитые в одесских подпольных цехах и снабженные лейбами любых известных фирм. Кстати, эти "фирменные" лейбы продавались пачками тут же. Мне это было доподлинно известно, так как один из организаторов подпольных пошивочных цехов был нашим родственником. Его звали дядей Мишей, и он был мужем двоюродной сестры моего отца — тети Лизы. Эта колоритная одесситка при любой нашей встрече не забывала напоминать о том, что именно она в далеком 1946-м году познакомила блестящего старшего лейтенанта

Абу, на кителе которого сверкали боевые ордена и медали, со своей очаровательной подружкой медсестрой Симочкой. Каждый раз, вспоминая ту послевоенную весну и первую встречу моих родителей, тетя Лиза не могла сдержать слез умиления.

Но очень быстро ее глаза высыхали и начинали яростно сверкать, когда она смотрела на своего мужа. Мы знали, что дядя Миша дома бывал редко, потому что проводил много времени в тюрьме. Первый раз он отсидел, по собственной формулировке, за лень, то есть за анекдот, рассказанный в обществе неленивого приятеля Сени, который тут же на него донес. С тех пор дядя Миша постоянно рассказывал политические и другие анекдоты, но сажали его уже по другим статьям. Его предприимчивый ум и оптимистический нрав исключали бездействие даже в обстановке, совершенно не способствующей реализации гениальных проектов подпольного бизнеса. Дядю Мишу сажали снова и снова, но он все не унимался, а тетя Лиза свирепела все больше и кричала на него все громче. Доносчика Сению также стали иногда посаживать. Мой отец говорил, что они так друг другу мстят, но дядя Миша в принципе не возражал, чтобы периодически отдыхать от всех хлопот и от "мишигасов" сварливой жены.

Когда наступили другие времена, и стало возможно предпринимать всяческие гешефты относительно легально, он утратил к этому делу спортивный интерес. И в 1990-м году они с сыновьями уехали в Америку. К этому времени моих родителей уже давно не было, у брата возникли большие проблемы со здоровьем — нам приходилось нелегко. Тетя Лиза перед отъездом вызвала нас к себе и сказала: "Берите от меня все, что хотите, — на добрую память!". Мы решили взять посуду и ручную машинку "Зингер", хотя шить никто не умел, но дочь пообещала научиться. Через несколько месяцев неожиданно пришло почтовое извещение на посылку из Америки. Я имела допуск к секретной информации на своем вычислительном центре, поэтому перепугалась. И недаром.

На следующий день меня вызвал особист за железную дверь. "Так как же так, Нина Абрамовна, почему нам ничего не известно о ваших родственниках за границей?" — грозным тоном спросил он. Особист был у нас по совместительству еще и парторгом, что не облегчало ситуации. Я объяснила, что эти дальние родственники уехали совсем недавно, и не было ясно, куда они в результате попадут — в Израиль или Америку. Вот я и не хотела раньше времени понапрасну беспокоить и отрывать его от важных дел, потому что знаю, что в этих делах необходима предельная точность и искренность. А теперь — совсем другое дело: я вынуждена с глубоким

сожалением просить о снятии с меня допуска, так как уже не могу за себя полностью поручиться в предстоящем общении с заграничными родственниками.

Парторг-особист был обладателем крупного пористого красного носа, который в моменты гнева и выпивки увеличивался до ужаса. Как-то на праздничной вечеринке он хорошо выпил в бдительно охраняемом им же коллективе и посетовал в стихах на удивительный диагноз:

Врачи сказали, что мой нос
Ест изнутри трихомоноз.
И это вовсе не приколы —
Я пью, ребята, трихопол.

На следующий день на железной двери секретного отдела была приклеена записка следующего содержания:

Узнав диагноз, ясно стало:
Предохраняться надо всем
И не совать куда попало
Свой нос, чтоб не было проблем!

Особист знал, что автором вполне могла оказаться я, но тогда не стал ничего выяснять. Нам ведь с ним приходилось периодически работать вместе в "очень важной" комиссии по сжиганию секретной документации. Теперь настал его звездный час. За то, что я своевременно не поставила его в известность о контакте с отъезжающими родственниками, полагалось много кой-чего, о чем я была когда-то предупреждена при оформлении допуска. Увольнение с работы было наименьшим наказанием из того перечня. Мы сидели друг напротив друга за столом, и он начал задумчиво рисовать на белой бумаге лошадиные крупы. Я уже давно знала эту его привычку — в период глубокой сосредоточенности рисовать задние части эскадрона лошадей. Он всегда занимался этим на длительных планерках, чтобы не заснуть и не свалиться со стула. Надо сказать, что рисовал он замечательно, но вот с фантазией были проблемы — дальше лошадиных задов дело не шло! В народе его называли особист-кавалерист, и форма ног этому соответствовала.

Был у меня перед кавалеристом еще один грех — я неоднократно отвергала его предложения вступить в партию. Но при этом всегда отказывала парторгу и утверждала, что еще пока не чувствую себя достойной такой высокой чести. Однако были и заслуги — несколько раз, когда он все же умудрялся засыпать и даже позорно похрапывать на планерках, я очень деликатно подталкивала его в бок. В общем, после того как лошади-

ная дивизия успокоила нервы старшего товарища, он сказал: "Значится так! Завтра идете на Главпочтамт, получаете посылку и, не вскрывая, приносите ко мне в кабинет". "Будем сжигать по протоколу?" — только и оставалось спросить. Но он обещал проконсультироваться, где нужно, и отпустил меня. При вскрытии посылки никаких шпионских приспособлений обнаружено не было. Элегантные мужские рубашки в полоску для мужа и брата, блузки и свитерки для нас с дочерью и невообразимо роскошные, просто голливудские мужские туфли. В прилагающемся письме, прочитанном также особистом, тетя Лиза и дядя Миша рекомендовали мне продать эти туфли на толчке и очень опрометчиво обещали вскоре передать нам доллары, которые я никогда до тех пор не держала в руках. Что мне оставалось делать в этой ситуации? Я попыталась предложить товарищу взятку американской рубашкой. (Ну не туфлями же, в самом деле!) Но он благородно отказался и остался на своеобразной высоте. Мне было официально объявлено о выводе из комиссии по уничтожению секретных документов. На вопрос о дальнейшей судьбе моего допуска к секретной информации последовал глубокий вдох и сообщение о том, что весь "секретный" отдел в нашем ВЦ ликвидируется за ненадобностью (это было и так всегда понятно!). А он остается работать у нас просто освобожденным парторгом. Спрашивается, зачем нужно было устраивать мне все эти кавалеристские гонки с посылкой?!

С большим облегчением в душе я выскочила из-за железной двери к переживающему коллективу. Все посылочные вещи были тщательно осмотрены и одобрены, особенно "продажные" туфли. У нас были толчковые специалистки, которые при всем своем опыте не могли даже представить, сколько можно за них получить. Самой продвинутой в этих делах была Неля, умудрившаяся заработать деньги на толчке для покупки квартир себе и дочери. Правда, этот процесс занял более 20 лет и забрал вагон здоровья. Неля часто работала на ВЦ сверхурочно, потом брала отгулы и уезжала за товаром в Польшу. Она утверждала, что при удачной торговле можно за выходные заработать на продаже нашу месячную инженерную зарплату. Но через несколько лет такой сумасшедшей нагрузки и жутчайшей экономии у нее началась настоящая цинга. Все накопленные за первые 5 лет деньги пришлось потратить на протезирование полностью утраченных зубов. У нас всегда говорили, что Неля на торговле буквально съела зубы. Так вот, эта Неля дала мне бесценные советы, самый главный из которых — держать в руках только одну правую туфлю. Ни в коем случае не вынимать обе туфли одновременно, пока покупатель не отдаст всех денег.

Этот совет я еще успела оценить, когда решилась в воскресенье попробовать себя в новом деле. Но погулять по толчке с роскошной мужской туфлей в дрожащих от волнения руках мне пришлось совсем недолго. Очень скоро я почувствовала себя Аллой Пугачевой, так как толпа плотно окружила меня и требовала ответов, к которым я была очень слабо готова. Если о размере туфель я еще имела хотя бы приблизительное представление, то с ценой мне так и не удавалось определиться. Горящие глаза окружающих людей не предвещали ничего хорошего, выкрикиваемые цены повышались, они ругались между собой, и я предчувствовала, чем это все для меня может закончиться. Страсти накалялись, а я так и не могла решиться достать левую туфлю. Стихийный аукцион продолжался, народ напирал, и я поняла, что совершенно не гожусь для продажи даже суперских вещей. Вдруг какой-то довольно пожилой юркий человек резко выдернул у меня из рук туфлю и гнусавым голосом крикнул: "А ну, шуруй за мной, бииистренько!". Он круто развернулся и начал улепетывать прочь, крепко зажимая в руках туфлю, как Паниковский гуся. Я мчалась за ним, а толпа за мной, и это продолжалось довольно долго. Наконец, он запрыгнул внутрь какого-то закрытого обувного лотка. Я поняла, что там работали его знакомые реализаторы, и заскочила вслед.

Отдышавшись, Паниковский, начал монолог: "Ви шо, баришня, соткудова до нас прибили? Жизнь, значить, всюю набридла. Кто ж такое сотворять на людях?!". Я сбивчиво объяснила ему ситуацию. Внешнее сходство с Зиновием Гердом, которого я обожаю, заставило меня совершенно утратить бдительность, забыть советы Нели и отнестись к дяде Моне как к родному. Переважив информацию о посылке из Америки, классик спекуляции достал блокнот и попросил мой адрес и телефон. Увидев мое замешательство, он произнес: "Слушайте сюда, баришня! Моня берет етот товар увесь и завсегда. Шо з вами, ей-богу, шо ви так дрейфите? Мы же ж живьем з этих посилок. Нашо вам сюда самим таскаться? И навищо мени трэба знаты отой размер ваших шикарных штиблет — ноги завсегда найдуться! Если они в тебе даже з разных ног, все одно в Одессе фраеров з одною ногою тоже досыть". В общем, куда мне было браться торговаться с этой могучей личностью? Он торжественно вручил мне 50 долларов за туфли и позднее несколько раз звонил в ожидании новых "посилок". Его телефонные перлы были также неповторимы: "Але, вас взволнуеть Моня Порто-Франко по нашим справам з толчка. Ну шо, вже е, чи знову ни?" — и советовал писать родственникам "душераздернутые" письма с резонным обоснованием: "Хто ж, як не та клята заграница нам допоможе?!".

А вскоре нам сообщили по телефону, что нужно посетить один адрес, куда приехал гонец из Америки и привез нам живой привет весом в 200(!) долларов. Мы с мужем вечером зашли в тихий одесский дворик на улице Бебеля. На скамейке сидели два подвыпивших джентльмена, один из которых вполне доброжелательно спросил нас: "Ви шукаете Бушмана, шо приихав з Америки? Ви за долларами прыперлыся? Так это на третьем этаже, он тамочки. Народ валить изо всий Одессы!". Такое начало нас здорово насторожило, учитывая, что доллары тогда официально были еще запрещены.

В маленькой квартире действительно набралось полно людей. И что-то нам показалось странным в этой тишине, в которой все читали переданные им письма. Меня вообще ждал потрясающий сюрприз, ибо в заокеанском посланнике я с огромным трудом (в основном, по очень специфической грассирующей речи) узнала папиного двоюродного брата Шурика. Честно говоря, его считали давно умершим от туберкулеза, которым он страдал после отсидки уже много лет назад. Тем радостнее было видеть крепкого румяного седого человека с голливудской улыбкой и торжествующим взглядом. Вот что сотворила с ним эта волшебная Америка! Оказывается, его там вылечили и снабдили шикарными зубами. Он работал электриком в доме престарелых на Брайтоне, удачно женился и был счастлив посетить родные места, где его благополучно похоронили.

Но отсутствие туристического опыта сыграло с Шуриком злую шутку. В те времена евреи, уехавшие в Америку, старались передать доллары оставшимся родственникам, используя любую оказию. Ведь даже 10 долларов тогда были неплохой добавкой к месячному бюджету. Шурик не отказал никому — у него собралась толстая пачка конвертов с письмами и деньгами. Но когда его досматривали родные украинские таможенники, пришлось срочно выгрести все деньги из конвертов, подсчитать общую сумму и занести в таможенную декларацию. И теперь все получатели внимательно перечитывали привезенные письма, надеясь выяснить, какие суммы им были переданы. А ведь по-настоящему интеллигентные люди об этом обычно скромно умалчивают! Одна пожилая женщина горько плакала от обиды, так как обнаружила в послании из-за океана следующий текст:

"В прошлом письме вы отметили, что на ту мелочь, что мы в состоянии вам передать, уже невозможно решить никакие проблемы. Вот и мы решили не унижать ваше человеческое достоинство и не раздражать вас лишний раз. Передаем горячий привет и наилучшие пожелания". Часть денег

Шурику пришлось увезти обратно — так и не удалось выяснить в Одессе точные цифры и выявить, для кого именно они были переданы.

Долгий советский период своей жизни я искренне была уверена, что у меня, как и у подавляющего большинства окружающих людей, за границей нет родственников. Заполнять анкеты было просто: нет, не был, не привлекался, не имею. И вдруг посыпались сюрпризы, впрочем, как и у многих других окружающих граждан. И когда еще к тому же стало известно о богатых предках, сбежавших от революции во Францию, я уже и не знала, чего ожидать. Но наша жизнь в 90-е годы менялась в таком историческом темпе, что вскоре понадобилось заполнять совсем другие анкеты, и через несколько лет мы и сами оказались за границей. Этому предшествовал период утрат всего того, что раньше считалось нашей повседневной жизнью. Оставшись без работы, мы с мужем вынуждены были, как и многие, какое-то время заниматься торговлей, но толчок оказался нам не по силам. До сих пор храним целую коллекцию разнообразных фальшивых денег, врученных нам за товары, взятые на реализацию.

Перед отъездом в Израиль в 1997-м году мы, естественно, снова посетили толчок, опять в качестве покупателей. Он превратился в огромный город, состоящий из разноцветных улиц — Голубая, Абрикосовая и т. д. В каждом мини-магазинчике-контейнере аккуратно и выигрышно развешаны всевозможные товары. По улицам на тележках развозили кофе, чай, минеральную воду, пирожки и домашние обеды. Цивилизация не обошла этот торговый мир. Но одесский толчок неуклонно соблюдал законы своего существования. Мы увидели подходящие мужские рубашки и хотели купить парочку для моих "Гариков на каждый день" — так зовут и брата, и мужа. Пришлось немного постоять в очереди и послушать разговоры людей, берущих целыми пачками и очень хвалящих эти заграничные рубашки. И мы купили шесть штук, попросив разные размеры, решив использовать их также для подарков. Когда через какое-то время мы возвращались по этой же улице, то увидели ту же очередь, состоящую из тех же самых людей, таскающих за угол одни и те же пачки рубашек и громко восхваляющих их качество. До нас тогда дошел этот популярный на толчке прикол, но было уже поздно. К удивлению, рубашки, уж не знаю, в каком одесском цехе они были сшиты, оказались действительно очень красивыми и качественными. Но только одного размера, несмотря на нашитые "фирменные" бирки!

Такой простой прием ускорения оборота торговли с минимальными затратами не может не восхищать. Все же гениальные головы всегда придумают что-то свеженькое.

Прошли годы... Все изменилось в жизни, и многое отпало за ненадобностью. К сожалению, гениальная голова дяди Миши в Америке тоже не пригодилась. Они с тетей Лизой живут в доме для престарелых, и она ругает его за бесконечные азартные игры с такими же пенсионерами.

А мы, живя в Израиле, опять регулярно слышим знакомый лозунг "За-граница нам поможет!". И на этот раз речь уже идет об украинских пенсиях, которые помогут выживать бывшим украинским евреям. Ничего, что эти люди, официально живущие за чертой бедности, в большинстве своем объездили весь мир и требуют в туристических агентствах предоставить им для своих путешествий "другой глобус". Лишних денег не бывает, а справедливость все же когда-нибудь должна восторжествовать. Так лучше, чтоб она торжествовала, как говорится, еще при нашей жизни!

Бат-Ям, Израиль

